

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ КАК НАУКА И ДИАГНОСТИКА СОВРЕМЕННОСТИ (ОТ МАХИНАТИВНОСТИ ДО ПАНК-КИНИЗМА)

А. В. Перцев, Е. С. Ковалева

Екатеринбург, Уральский федеральный университет

Аннотация. В статье рассматриваются методологические традиции и история кафедры истории философии УрГУ в связи с 55-летним юбилеем департамента философии УрФУ. История философии рассматривается как особая наука со своими специфическими понятиями. На основе применения методологии Т. И. Ойзермана, которая включает такие понятия, как «историко-философский процесс», «историография», «школа», «учение», «течение», «направление», а также используя понятия из поздних работ М. Хайдеггера, оценивается современная ситуация в духовной жизни России и мира.

Ключевые слова: история философии как особая наука, методология историко-философской науки, школа, течение, направление, позитивизм как инженерная философия политехнизма, «поздний» Хайдеггер, махинативность (Machenschaft) как итог научно-технического прогресса, панк-кинизм

HISTORY OF PHILOSOPHY AS A SCIENCE AND AS A DIAGNOSTICS OF MODERNITY (FROM MACHINATION TO PUNK-CYNICISM)

Aleksandr Pertsev, Ekaterina Kovaleva

Ekaterinburg, Ural Federal University

Abstract. The article examines methodological traditions and historical development of the Department of Philosophy at the Ural State University (USU) and later the Ural Federal University. The Department celebrates its fifty-fifth anniversary in November 2020. The article argues that the history

of philosophy is a specialized scientific discipline with its own set of concepts. Its methodology can draw on the works of T. I. Oizerman who elaborated such concepts as historical-philosophical process, historiography, school, teaching, current, direction, as well as on the later works of M. Heidegger. This methodology is tested in the subsequent analysis of the current situation in the spiritual life of Russia and the world.

Key words: the history of philosophy as a special discipline, the methodology of historical-philosophical discipline, school, trend, direction, positivism as an engineering philosophy of polytechnism, “late” Heidegger, Machination (Machenschaft) as a result of scientific and technological progress, punk-cynicism

Юбилей факультета всегда есть повод для того, чтобы оглянуться на пройденный путь и убедиться, что на протяжении этого пути назначение философии и ее задачи понимались по-разному. Глядя на перемены, произошедшие с 1965 по 2020 г., хочется, в свою очередь, определить, как мы понимаем философию и ее перспективы сейчас. В этом сборнике опубликованы статьи, которые отражают специфику «кафедральных подходов» к ее пониманию. (Как бы ни реформировалась структура факультета, они будут существовать.) Тот, кто занимается теорией научного познания в науке, просто не может смотреть на философию так же, как представитель эстетики. Исследователи социальной философии оценивают задачи философии прежде всего в свете современности. Какова же специфика историко-философской науки? Есть ли в ней смысл? Или, быть может, все подлежит скорейшей «перезагрузке»?

Физику не за чем заглядывать в прошлое своей науки, потому что она развивается семимильными шагами, максимально привязана к конкретной эмпирии и настолько стремительно устаревает, что сегодняшним физикам достижения прошлых веков кажутся просто смехотворными. По Эрнсту Маху, который был выдающимся физиком (в честь него названо число Маха в аэродинамике), ценность физических теорий равна нулю, если они устарели. Для того чтобы доказать полную никчемность умственных построений в механике, Эрнст Мах написал ее историю. Так он проиллюстрировал свой махистский тезис о том, что от всех физических теорий надо отказаться (включая теорию относительности А. Эйнштейна). Только

так будет доведен до конца позитивизм О. Конта, выражавший дух Политехнической школы в Париже, где он учился: никакой фантазии у физиков быть не должно, это отсталое, детское мышление, взрослые люди только наблюдают и переводят наблюдения в цифры. Теории в физике — лишь пережитки философии-метафизики.

Никакого цельного мировоззрения современная физика создать не может. К теориям она вообще относится снисходительно — как к мнемоническим правилам, которые позволяют лучше запомнить факты.

Теоретический разброд в физике общеизвестен, он только веселит физиков.

В очень популярной в середине прошлого века книге «Физики шутят» приводилась цитата из журнала «Physics Today» (1951. 4, № 11):

Средневековые соборы никогда не бывали закончены строительством. Это же можно сказать и про физические теории. То деньги кончались, то архитектурная мода менялась. В последнем случае старая часть собора иногда разрушалась, а иногда к ней просто пристраивалась новая. Можно найти строгие и массивные римские хоры в мирном соседстве с парящей готической аркой, которая близка к границе опасной неустойчивости. Римские хоры — это классическая физика, а готическая арка — квантовая механика. Я напому вам, что арка собора в Бовэ обрушивалась дважды (или даже трижды), прежде чем архитекторы пересмотрели свои планы и построили нечто, способное не упасть. Собор состоит обычно из нескольких часовен. Часовня физики твердого тела имеет лишь самое отдаленное отношение к часовне теории относительности, а часовня акустики вообще никак не связана с часовней физики элементарных частиц. Люди, молящиеся в одной из часовен, вполне могут обходиться без остальной части собора; их часовня может устоять, даже если все остальное здание рухнет. Сам собор может казаться величественным даже тем, кто не верит в Бога, да и тем, кто построил бы совсем другое здание, будь он в состоянии начать все сначала.

Физики ставят эксперимент выше теории, а потому теоретизируют небрежно. Сегодня на Facebook присылает время от времени предложение опубликовать статью на своих страницах «American Scientific Journal» и непременно отмечает при этом, что он — издание

солидное, а потому печатает статьи только по наукам, предусмотренным классификатором научных направлений (по международным стандартам OECD). Вот как выглядит этот классификатор (таблица без изменений взята из послания журнала):

**Классификатор научных направлений журнала
(по международным стандартам OECD)**

<i>Социогуманитарные науки</i>	<i>Физические науки</i>
Искусствоведческие и гуманитарные науки	Математика
Бизнес, менеджмент и бухгалтерский учет	Физика и астрономия
Теории модуляции действий	Науки о Земле и планеты
Экономика, эконометрика и финансы	Компьютерные науки
Психология	Химические технологии
Социальные науки	Химия
<i>Медицинские науки</i>	Энергетика
Медицина и стоматология	Производство
Сестринское дело и медицинские профессии	Материаловедение
Фармакология, токсикология и фармацевтические науки	<i>Науки о жизни</i>
Ветеринарное дело и ветеринарная медицина	Сельскохозяйственные и биологические науки
Иммунология и микробиология	Биохимия, генетика и молекулярная биология
Нейронауки	Науки об окружающей среде

Если принести этот классификатор на заседание Большого Ученого совета УрФУ и раздать его членам, то минуте на двадцатой они бы уже перешли к «обоюдной драке», если выражаться языком полицейских протоколов. Или, чтобы было понятно англоязычным установителям стандартов, к боксу, который в Великобритании называется «обменом мнениями между джентльменами посредством жестов».

Химики-технологи сразу же заявили бы, что их факультету уже сто лет, то есть он существует с момента основания УрФУ, а физический факультет в университете химии заложили только от широты души. Так что химия вовсе не физическая наука. Скорее она наука гуманитарная, созданная по причине заботы о братьях меньших. Историк философии бы еще поддакнул, что у Г. В. Ф. Гегеля никаких упоминаний о физике нет: только «механизм-химизм-организм». По той причине, что физика в те времена была скромной частью химии. Аристотель, а до него Гомер, правда, упоминал о некотором φύσις, но вовсе не в смысле какой-то науки, а в смысле природы в целом. В медицинском университете такая же свара разгорелась бы наверняка вокруг такой науки из таблицы, как *сестринское дело*. (Юристы, случись они рядом, непременно сопоставили бы эту науку с *делом врачей*.) Медицинские сестры, которых составители таблицы приравняли к ученым, сегодня возгордились, а потому все регистратуры в больницах возомнили, что они важнее врачей. Сестры бы сказали, что *дело* — только у сестер, а врачи делом не занимаются. Обиделись бы и ветеринары, ведь классификация не относит ветеринарное *слово и дело* к *наукам о жизни*. Стало быть, это науки о смерти?

Таблица альтернативно одаренных классификаторов предусматривает такие науки, как *бухгалтерский учет*, *теории модуляции действий* и даже, в перспективе, «теоретическая ходьба», которую хорошо осваивать лежа при обучении удаленно, с получением оксфордского диплома без выезда из города Тугулыма. Даже есть там такая отдельная наука, как *производство*, ее можно было бы назвать *братским делом*, по аналогии с *сестринским делом*, но тут еще надо методологически погодить, учитывая гендерные распри.

Весь этот великий спор теоретически несостоятельных систематизаторов, однако, моментально прекратился бы на одном: ФИЛОСОФИИ В СПИСКЕ НАУК БЫТЬ НЕ ДОЛЖНО ВООБЩЕ.

Далее возникает кажущийся парадокс: при отрицании существования науки философии западные классификаторы признают, что *в ненауке философии* западные университеты все равно *далеко ушли вперед от России*.

Вот данные рейтинга (лучшие университеты России, имеющие философские факультеты, расположены во второй сотне):

Предметный рейтинг QS
(данные по Уральскому федеральному университету за 2020 г.)

Промышленность — группа 351–400 (рост на 50 позиций)
Экономика — группа 351–400 (рост на 100 позиций)
Компьютерные науки — группа 451–500 (рост на 100 позиций)
История — группа 101–150
Философия — группа 101–150
Лингвистика — группа 251–300

В переводе с языка возмнившей о себе англо-саксонской бухгалтерии это означает: не менее 100 университетов опережают Уральский федеральный университет по философии (все же зачет по этому «виду спорта» проводится, хотя он и не существует!). Конечно же впереди все сплошь университеты западные. Иначе и быть не может.

Напрашивается странный вывод: даже *без философского факультета* западный мыслитель (представитель науки «производство» или «сестринское дело», к примеру) опережает выпускника российского университета, который окончил философский факультет.

Но так ли безумна эта мысль, что лучше не оканчивать философский факультет, чтобы быть лучшим философом? Вывод этот не так нелеп, как кажется.

Ведь западный диплом, который у нас приравнен ныне к диплому кандидата наук, называется дипломом о получении степени PhD. Я сам видел такие дипломы, которые выдают наши советы по защитах (в УрФУ и в МГУ как минимум). На одной странице написано — степень PhD, а на другой... А вот на другой может быть написано: «кандидат физических (химических, биологических) наук».

Видимо, когда реформа будет завершена, на одной странице будет писаться степень PhD по компьютерным наукам или какому-то иному «сестринскому» или «братскому» делу, а вот на русской

стороне-странице будет расшифровка: степень «доктор философии по ветеринарии», «доктор философии по бухгалтерии» и так далее, по всем наукам, включенным в приведенную выше классификацию.

Ветеринары старой школы в России будут, конечно, смеяться над новыми, говоря: «Ты, конечно, в нашем ветеринарном деле просто как доктор философии».

Но смеяться будут только в России — поначалу.

Потому что на Западе думают именно так. И всегда так думали.

Думали, что всякий, кто может хотя бы немного выглянуть за рамки своей науки, заслуживает степени доктора философии (PhD). Например, если он хотя бы начнет рассуждать о соотношении физики и химии, а их вместе сопоставит с наукой «бухгалтерский учет», то сразу станет прекрасным философом-энциклопедистом. После бурного Ученого совета, которое было бы посвящено обсуждению приведенной классификации, всем без исключения участникам бурной полемики с прикладным рукоприкладством можно было бы, по западным представлениям, присвоить степень доктора философии (PhD). Просто серьезные люди в таких распрях предпочитают не участвовать, они занимаются своей наукой, игнорируя свары о том, кто главнее — химики, физики или ветеринары. А все теоретики общей теории всего познания в целом — пусть они будут доктора философии по всем наукам с предельно широким кругозором. То есть пусть переливают из пустого в порожнее.

В англосаксонском мире на философию после Второй мировой войны утвердился взгляд Карла Поппера, изложенный в его книге «Открытое общество и его враги». За это произведение королева Великобритании произвела Карла Поппера в рыцари. Карл Поппер рекламировал свой труд как вклад в победу над нацизмом, как демократическую победу над философией вообще, которая только и порождает тоталитарные режимы (той же точки зрения придерживается его последователь Дж. Сорос).

Сразу после Второй мировой войны Карл Поппер, который убежал из Австрии в Новую Зеландию накануне аншлюса, предвидя преследование евреев, «познакомил» англосаксов с немецкой философией, после чего они стали ее активно изживать. (Как и всякий имперский народ, англосаксы иностранных языков не знали; они

даже не смогли хорошо перевести на английский предельно очищенную от философии книгу «Логико-философский трактат», пришлось Л. Витгенштейну самому ее переводить на английский язык.) По К. Попперу, который получил в Вене физико-математическое и музыкальное образование, но отнюдь не философское, вышло, что Платон — протофашист, Гегель — протофашист и Маркс — протофашист (К. Поппер в юности увлекался его идеями, что ничуть не удивительно — именно в Вене был создан Двух-с-половинный Интернационал).

После «победы в холодной войне» с философией в мире, как предполагалось, вообще было покончено — как с рационалистической, так и иррационалистической. В Германии «чистых» философских факультетов тоже больше нет: там философия объединена с какой-нибудь другой, полезной, более «практичной», наукой — например, историей, педагогикой или почвоведением. Единственным бастионом немецкой философии, который по причине непереводимости на английский язык (как чересчур простой, в основном торговый) до сих пор устоял, выступает философия М. Хайдеггера и его эпигонов.

При рейхспрезиденте генерал-фельдмаршале Пауле фон Гинденбурге будущий фюрер Третьего рейха еще был всего лишь ефрейтором (сделать его рейхсканцлером П. фон Гинденбурга заставили посредством шантажа). В 1933 г., за год до смерти Гинденбурга, М. Хайдеггер, который получил приглашение профессорствовать в Берлине, решил предпринять авантюру — создать в Берлине нечто вроде имперского института переподготовки университетских преподавателей. Заодно он планировал, перебравшись в Берлин, оказать влияние на руководство страны, заставить его отказаться от расовой идеологии, чтобы воспитывать немцев в духе, который царил до революции 1918 г. в университетах и классических гимназиях. (Сегодня в Интернете этот культ образования и образовательной этики, которую надо было, по мнению М. Хайдеггера, распространить на все учреждения и предприятия страны, презрительно именуется «грамматофашизмом», за которым усматривается вовсе не только требование писать без ошибок, но и культ наставника, руководителя, старшего.) Ради реализации этого замысла М. Хайдеггер стал

ректором у себя в университете, чтобы его заметили в столице [2, 8, 9]. Но авантюра, замышленная для того, чтобы «вести вожда» (выражение К. Ясперса), провалилась. Бывший ректор М. Хайдеггер, попав под надзор тайных служб нацистской Германии, отправился во внутреннюю эмиграцию — в Шварцвальд, то есть в Темный Лес, где по инициативе жены, большой любительницы кататься на лыжах с невысоких гор, был куплен домик-шале в Тодтнауберге.

Здесь и был написан корпус работ, который дает основание именовать мыслителя «поздним» Хайдеггером — в отличие от «раннего», выпустившего в свет «Бытие и время» (1927). Вначале была создана, втайне даже от ближайших учеников, работа «Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis)» («Доклады к философии (О событии)») (1936–1938), а затем еще шесть фундаментальных работ: «Besinnung» («Постижение смысла») (1938–1939), «Die Überwindung der Metaphysik» («Преодоление метафизики») (1938–1939), «Die Geschichte des Seyns» («История пра-бытия») (1938–1940), «Über den Anfang» («О начале») (1941), «Das Ereignis» («Со-бытие») (1941–1942), «Die Stege des Anfangs» («Переходные мостки начала») (1944). Всего этот корпус сочинений, не опубликованный при жизни М. Хайдеггера, составляет (если считать по страницам томов собрания сочинений) около 2000 страниц [18].

В сравнении с остальными немецкими мыслителями М. Хайдеггер выглядит как гора — рядом с порожденными ею мышами. Издательство «Витторио Клостерманн» во Франкфурте-на-Майне с 1975 по 2019 г. выпустило 98 (!) томов его собрания сочинений и продолжает работу над этим проектом. Первая попытка перевести главный труд «позднего» М. Хайдеггера на русский язык была осуществлена выпускником нашего факультета¹. Нельзя не отметить и фундаментальную работу, которая посвящена исследованию «позднего» Хайдеггера, — почти 800-страничный труд А. В. Паткуля «Идея философии как науки о бытии в фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера» [14].

---

¹ См.: [21]. Публикация перевода этого труда завершает многолетнюю работу совместного семинара ИГИТИ и РГГУ, посвященного чтению, комментированию и переводу «Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis)».

В произведениях «позднего» М. Хайдеггера были осмыслены не только отдельные философские концепции каких-то избранных им мыслителей прошлого и настоящего — как называемых, так и не называемых (так, он даже в рукописях 1936–1945 гг. по понятным причинам не рискнул назвать имя еврея из Франции Анри Бергсона, хотя указывал на продолжающуюся полемику с ним, используя его понятия). Неослабный интерес к работам М. Хайдеггера во всем мире [15] объясняется не только его «персональным» учением и широким кругозором в области философии, но и таким видением всемирной философии в целом, которым, по нашему мнению, обладает и *может обладать только профессиональный представитель историко-философской науки*. Он демонстрирует историко-философский подход к изучению философии. Это означает, что он рассматривает в мировой философии не только *единичное* и даже не только *особенное*, но также *всеобщее*.

Это пока еще не историко-философская наука, если один философ изучает концепцию другого философа (и, естественно, черпает из нее какие-то идеи, переосмысливая на свой лад и (или) аргументированно отвергая их). Такое изучение *единичного*, то есть историко-философских фактов, каковыми выступают учения отдельных мыслителей, взятые в биографическом и культурном контексте их создания, есть в лучшем случае самый первый шаг к созданию историко-философской науки, ее «эмпирия», которая поднимается от простой «доксографии» («регистрации мнений») к «компаративистике» (эмпирическому «сравнению») без восхождения к абстракциям более высокого уровня как к понятиям историко-философской науки. Еще не будет историко-философской наукой и простое сопоставление *особенного* в историко-философском процессе — школ, течений и направлений (например, феноменологии и онтологии, герменевтики, экзистенциализма и «философии жизни» и т. д.). История философии как наука начинается существовать только тогда, когда взгляд историка философии начинает охватывать и единичное, и особенное, и всеобщее, чтобы соотносить их между собой как абстракции разного уровня, а затем возвращаться к «формуле» каждого единичного философского учения.

Такая методология исследования историко-философского процесса существовала в период ныне ликвидированной кафедры

истории философии и восходила к традициям, заложенным в МГУ и Институте философии АН СССР.

Основатель кафедры истории философии в УрГУ К. Н. Любутин учился в МГУ вместе с П. П. Гайденом и Э. Ю. Соловьевым, выдающимися российскими историками философии. «Ресурсным центром» кафедры истории философии УрФУ на протяжении нескольких лет выступал сектор истории философии стран Западной Европы и Америки Института философии РАН, которым с 1971 по 1986 г. заведовал академик АН СССР (с 1981 г., с 1991-го — академик Российской АН) Теодор Ильич Ойзерман (1914–2017). Он оставался главным научным сотрудником Института философии РАН с 1987 по 2017 г. Т. И. Ойзерман окончил философский факультет Московского института философии, литературы и истории (МИФЛИ) в 1938 г. Его авторитет в сфере историко-философской науки был непререкаем. Он был не только научным руководителем П. П. Гайдено, Э. В. Ильенкова, М. К. Мамардашвили, но и заложил основы историко-философской науки в СССР, понимаемой как «теоретический анализ историко-философского процесса» или «метафилософия» [11, 12].

Разработка проблем историко-философской науки развернулась в СССР в полной мере в 60-е гг. XX в. и продолжалась до начала 90-х гг. В специальных монографиях Т. И. Ойзермана [13], в исследованиях А. С. Богомолова [1], В. С. Горского, З. А. Каменского² историко-философская наука представляла как особая, отдельная наука. «По умолчанию» предполагалось, что есть *специалисты* по истории философии, есть *кафедры* истории философии в университетах, есть *специальность* «история философии», по которой защищаются кандидатские и докторские диссертации.

Историки философии отличаются от философов тем, что они имеют свое, особое знание об «историко-философском процессе»

---

² Мы называем здесь имена только тех историков философии, которые посвящали отдельные работы специфике историко-философской науки как таковой, выступая в роли «чистых методологов» ее, хотя, разумеется, методологических проблем ее не могли не касаться, исследуя отдельные учения, течения и направления, и другие выдающиеся отечественные историки философии, в особенности такие патриархи этой науки, как В. В. Соколов, В. Ф. Асмус, Ю. К. Мельвиль, И. С. Нарский (см. также: [3]).

(Т. И. Ойзерман), тем, что у них есть свои методы познания данного процесса и свои собственные понятия — понятия историко-философской науки. Эти понятия применимы, как предполагалось, для описания и исследования философских учений любой эпохи — от Античности до современности. Соответственно считалось, что философские учения любого времени могут и должны исследоваться одинаково: историко-философское исследование Платона, к примеру, ничем принципиально не должно отличаться от исследования Р. Декарта или Ф. Бэкона. Из этого следовало, между прочим, что вся мировая философия — это *одно и то же*, некое Целое, некое Единство в многообразии его проявлений.

По инициативе Т. И. Ойзермана, научного руководителя авторитетнейших научных руководителей, были согласованы основные понятия историко-философской науки. *Историко-философским процессом* стал называться процесс развития философии (понятие «история философии» было признано неоднозначным: оно обозначало как само развитие философии, так и описание его). Описание *историко-философского процесса* стало называться *историографией* истории философии. Писать историю философии, однако, можно по-разному. Можно просто фиксировать мнения (как это делал Диоген Лаэртский [7]). Такой способ позитивистской «фиксации мнений» стал называться «доксографией». Если же «доксография» дополнялась теоретическими рассуждениями по поводу историко-философского процесса, то это называлось «теоретическим анализом историко-философского процесса», «теорией историко-философского процесса», «метафилософией» — в зависимости от того, какой именно аспект теоретического исследования исторического развития философии требовалось подчеркнуть.

Т. И. Ойзерман попытался навести порядок в использовании понятий «школа», «течение», «направление» применительно к философии. Они часто использовались как синонимы — для красоты стиля, чтобы одно слово не повторялось слишком часто. (Старая школа редакторов настаивала, чтобы в беллетристике одно слово встречалось на одной странице не более одного раза; видимо, некоторые историки философии льстили себе, считая себя беллетристами; представители естествознания не обращают внимания на такие

повторения и для изящества слога не заменяют периодически слово «частица» словом «корпускула», — для них главное заключается в строгой и однозначной определенности используемых понятий.)

Т. И. Ойзерман, стремясь установить однозначную терминологию историко-философской науке, писал: *«Философские направления следует, по-видимому, отличать от учений, школ, течений. Учение как систему определенных, логически связанных друг с другом воззрений можно рассматривать как первичный феномен историко-философского процесса. Поскольку то или иное учение, созданное отдельным философом или группой единомышленников, находит своих продолжателей, которые его развивают и модифицируют, формируют философские школы. Совокупность различных модификаций одного и того же учения, развиваемого различными, нередко конкурирующими друг с другом школами, можно назвать течением... Направление представляет собой совокупность философских течений (а следовательно, и учений), которые при всех своих расхождениях друг с другом разделяют некоторые общие, имеющие принципиальное значение положения»* [10, с. 12].

Таким образом, профессиональный историк философии видит все через призму своей, особой, историко-философской науки, у которой есть свои, особые, понятия, классификации, законы и принципы. Уместно такое сравнение: горшечник для изготовления своих горшков попробовал использовать глину из двух разных оврагов и сравнил свойства одного образца с другим. Стал он от этого химиком? Стал. Точнее, сделал шаг к созданию этой науки. Но такую его роль можно признать, только если это произошло на заре человеческой истории. Сегодня, когда существует таблица Менделеева, требования к химику возросли. Чтобы считаться настоящим химиком, он должен дать химический анализ глины I и глины II, указав, из каких элементов эти глины состоят и в каких пропорциях. Для этого химия как наука проделала огромный путь. Ей предстояло вначале создать примитивные абстракции для самых первых «обобщений опыта» — «глина», «мел», «мрамор» и т. п. «Глина вообще» или «мел вообще» — такие абстракции первого уровня были под силу первым странствующим ремесленникам, которые должны были сравнивать материалы из разных мест. Но затем

химия создала абстракции второго уровня — представления о химических элементах, которые вообще в чистом виде в природе не встречаются, то есть в непосредственном наблюдении не даны. Химия при этом отошла от непосредственно-конкретного и перешла к работе с абстрактным. (Возможно, это произошло в процессе поиска «философского камня», который был способен превращать любые элементы в золото или серебро.) Так возникла теоретическая химия, которая стала рассуждать об «элементах», а не проводить одни только опыты без всяких теоретических гипотез. Со временем появились и еще более высокого уровня абстракции — уже абстракции от абстракций. Химические элементы, которые, напомним, есть абстракция, в чистом виде не встречающаяся в действительности, объединяются в менделеевской таблице в семейства (галогены, благородные газы, щелочные металлы, актиноиды и т. п.); выделяются периоды, изображаемые строками периодической таблицы, а также блоки и т. п.

Вся подобная теоретическая деятельность с конструктами ума, с тем, что никогда не наблюдалось в опыте в чистом виде, продолжается и сегодня, причем очень бурно. В 1970 г. Т. Сиборг предложил расширенную Периодическую систему элементов, а Нильс Бор пытался представить Периодическую систему в виде лестницы или пирамиды. На данный момент существует несколько сотен вариантов таблицы и предлагаются все новые и новые. Есть химики, которые всецело посвятили себя такому теоретизированию. Но оно производится вовсе не ради теоретизирования как такового. Оно производится ради того, чтобы в конечном счете химия могла вернуться к практике, к производству более подготовленной — так, чтобы каждое из веществ, которые встречаются там, «в реальной жизни», можно было бы воспроизвести в богатстве теоретических абстракций как абстрактно-конкретное. Говоря проще, чем более точна и детализирована химическая формула материала, чем больше при ее составлении использованы и таблица Менделеева, и все последующие таблицы, тем большие возможности для применения этого материала на практике используются. От теории снова и снова химия переходит к гипотезам, которые снова и снова проверяются «на опыте», то есть экспериментально.

Таким же образом все обстоит и с историко-философской наукой. Всякий может заняться историко-философским исследованием. Но один будет проводить его на уровне «историко-философской эмпирии», то есть «доксографии», в лучшем случае — «компаративистики», а другой займется исследованием специфических понятий историко-философской науки, изучением течений и направлений в ней, принципов их выделения и соотношением друг с другом. Это будет возрождено только при условии господствующего ныне тотального позитивистского эмпиризма. Либеральное понимание историко-философского исследования, навеянное им, выражается сегодня приблизительно такой формулой: «Всякий, кто угодно, волен свободно выбирать для изучения учение кого угодно, и никто не вправе указывать ему, какие выводы он должен сделать».

Все это привело, если продолжить нашу аналогию с таблицей Менделеева, к распаду историко-философской науки на «элементы». Между тем на кафедре истории философии под руководством профессора К. Н. Любутина история философии изучалась именно системно и упорядоченно с начала 70-х гг. Полтора десятка аспирантов профессора К. Н. Любутина, выпускника философского факультета МГУ (в числе первых — А. В. Гайда, Л. Ф. Ослоповских, Н. П. Фокин, Н. С. Зудихина, В. Б. Куликов, А. В. Перцев), не только изучали немецкоязычную «философскую антропологию», но и делали это в соответствии с принципами Т. И. Ойзермана: системно, планоно, рассматривая и обсуждая «философскую антропологию» как единый, хотя и противоречивый феномен. (Их диссертации были посвящены концепциям Г. Э. Хенгстенберга, Г. Вейна, Г. Плесснера, М. Бубера, А. Гелена.) То же самое осуществили затем аспиранты профессора А. В. Гайды, ученика К. Н. Любутина, с западногерманской социальной философией.

Вывод может быть только один: каждый действительно волен читать и изучать какого угодно философа, но — чтобы не уподобиться ремесленнику-горшечнику давних времен — он должен знать «таблицу Менделеева» историко-философской науки, быть в курсе ее теоретических представлений, специфических историко-философских понятий, законов, тенденций («семейств элементов» «периодов» и «рядов»).

Именно такой подход к историко-философскому процессу и привлекает историка философии в работах М. Хайдеггера. Причем историк философии в любой стране может понять работы шварцвальдского отшельника более глубоко, понимая, какие именно историко-философские факты стоят за его обобщениями. М. Хайдеггер во времена национал-социализма не мог назвать в своих работах по имени не только Анри Бергсона, но и Отто Нейрата, активно участвовавшего в Венском кружке, а также строившего социализм в Баварии, а далее сотрудничавшего с австромарксистами (лично дружившего с О. Бауэром). А между тем он просто не мог не знать концепций австромарксистов, которые пропагандировали чисто «инженерную» концепцию построения социализма, деидеологизированную и построенную чисто на «расчислениях», математических выкладках. Идеи тотальной калькуляции мира, с которыми борется М. Хайдеггер, это именно позитивистские идеи.

Обратим внимание на то, что Институт социальных исследований Университета имени И. В. Гёте во Франкфурте-на-Майне, при котором возникла в 1923 г. так называемая Франкфуртская школа, был основан «австромарксистом» К. Грюнбергом. «Австромарксисты» создали в Вене Двух-с-половинный Интернационал³. По сути, «австромарксизм» был формой неопозитивистской ревизии марксизма. Как выразился Отто Нейрат, поехав строить социализм в Баварской советской республике в 1919 г., «социализм — чисто техническая затея, экономически его можно построить хоть с королем во главе». Отсюда и происхождение так называемой критической теории «современного общества как целого»: это была широко задуманная в Институте социальных исследований программа комплексного, междисциплинарного обследования общества — строго на основе статистики и экономики, фактов, без всякой «метафизики».

Эту программу синтеза всех позитивных гуманитарных наук сформулировал Макс Хоркхаймер, директор Института социальных исследований с 1931 г. Она была глубоко родственной идее члена Венского кружка Отто Нейрата — создать для пролетариата энциклопедию, а для этого разработать универсальный язык,

---

³ Об этом см.: [16].

понятный для всех наук и свободный от метафизических вымыслов. В Вене параллельно с этой затеей «австромарксисты» приступили к позитивистскому социальному строительству: стали создавать особые пролетарские районы, свободные от буржуазного влияния потребительства, развивать жилищные коммуны, кооперативы, наглядную агитацию («венскую наглядную статистику»). Делегации венских рабочих австромарксисты водили слушать атональную музыку Шенберга в парк Пратер, прообраз всех Парков культуры и отдыха в СССР. (Классические гармонии воспитывают в сознании неосознанную тягу к разрешению социальных диссонансов, а диссонансы в музыке формируют сознание революционера, который не примиряет трусливо противоположности в компромиссе; позднее мы находим эту идею у Т. В. Адорно, что указывает на глубинное родство идей «австромарксистов» и «франкфуртцев».)

Ранние «франкфуртцы» пытались освободиться от идеологии и метафизики, опираясь только на реальные факты, статистику и конкретную социологию. Ф. Поллок пустил побоку «идеологические» понятия «капитализм» и «социализм» и сравнивал реальную организацию экономики в США и в СССР, а затем — в нацистской Германии. Э. Фромм поступил так же, образовав понятие «тоталитарный» как для сталинизма, так и для национал-социализма.

М. Хоркхаймер в 1925–1930 гг. преподавал историю современной философии в университете Франкфурта-на-Майне, причудливо соединяя идеи Г. В. Ф. Гегеля, К. Маркса, З. Фрейда с этикой А. Шопенгауэра. В 1930 г. М. Хоркхаймер получил кафедру социальной философии и стал директором Института социальных исследований в университете Франкфурта-на-Майне. Этот Институт объединил выдающиеся умы — Эриха Фромма, Лео Лёвентала, Теодора Адорно, Герберта Маркузе. Сферы научных интересов и культурной деятельности этих людей разнились (об этом еще см.: [4, 20, 22]). Один был психоаналитиком, второй — социологом. Г. Маркузе вообще начинал ассистентом у М. Хайдеггера: Т. В. Адорно был не только музыкальным критиком, но и композитором, писал даже оперы. Но замысел был именно такой — собрать самые выдающиеся умы из разных областей и заставить сотрудничать. Подвергнуть критике все выдуманное и создать критическую теорию общества,

чтобы — как в Венском кружке: никакой метафизики, одна конкретика. И все объяснять друг другу на каком-то общем языке.

Но «красная Вена» была расстреляна в 1934 г., и в Германии нацисты тоже стали собирать на выборах все больше голосов. Они не скрывали, что евреям преподавать в университетах не дадут (обо всех ужасах, которые пришлось перенести евреям при нацизме, конечно, даже и подозревать в ту пору никто не мог). Потому Франкфуртская школа перебралась из Франкфурта в 1931 г. в Женеву, а весной 1934 г. Хоркхаймер принял предложение сделать Институт социальных исследований частью Колумбийского университета в Нью-Йорке и вместе с коллегами уехал в США.

Эволюцию учения Франкфуртской школы кратко можно описать так. Вначале, вместе с «австромарксистами», они полагали, что придет образованный технически пролетариат и построит как в Вене, так и в Германии «втузсоцгородки». Только на Урале, пожалуй, еще остались следы этой утопии: «Втузгородок» — район Екатеринбурга, построенный вокруг Уральского политехнического института, Соцгородок — район промышленного Каменска-Уральского. Высший технический социалистический городок — это и была идея «австромарксистов» и основателя Франкфуртской школы Грюнберга. Но, оказавшись в Америке, бывшие франкфуртцы убедились, что вера в пролетариат, который обучился на политехников и строит светлый социализм, утопична. Социологи открыли так называемые «социальные перемещения» — переход из класса в класс. Пролетарий, выучившийся «на инженера», легко переходит в разряд «эффективных менеджеров» и становится в этом качестве подручным «капиталиста», то есть классовым врагом «пролетария».

Но самое печальное, что открыли для себя, переехав за океан, представители Франкфуртской школы: ни пролетарию, ни инженеру, ни продвинутому менеджеру, ни буржуину совершенно не нужно искусство в наивысших и утонченных его проявлениях. И философия не нужна. То есть не нужна и Франкфуртская школа с ее неомарксизмом. Тогда Франкфуртская школа стала развивать философию протеста против капитализма — вместо чисто инженерного преобразования его путем политехнического образования пролетариата.

М. Хоркхаймер и И. В. Адорно заявили, вполне в духе К. Маркса, что так называемое «царство разума» — это всего лишь царство буржуазии, а Просвещение не выражение общечеловеческих идеалов, а приукрашенный капиталистический строй. Вначале животные используются человеком как выючные, затем — как сырье. Эксплуатация человека запрещена, но эксплуатация природных ресурсов и эксплуатация техники до сих пор не вызывает в политехническом мире возражений. А потому Освенцим не противоречит Просвещению, а есть только его завершение: ранее человек использовался только как «выючная рабсила», а теперь стал сырьем для переработки (добывание золотых коронок, использование кожи для абажуров и бумажников, использование жира и костей человека и т. п.). Политехнический мир обнаружил свой звериный оскал. Потому нужна контркультура, которая будет воевать против разума, то есть капитализма. Это все, что лишает человека разумности, — от наркотиков до неклассической музыки с диссонансами (гармония формирует «фашизоидное сознание»). Революционер теперь не пролетарий, который обуржуазился в инженере, а деклассированный бунтарь. Г. Маркузе считается главным идеологом молодежной контркультуры (от битников до хиппи и даже панков).

Таким образом, диагноз современной ситуации, который может поставить историко-философская наука, таков. В мире, и в России тоже, происходит ожесточенная борьба между все теми же хорошо известными направлениями в философии — эмпиризмом и иррационализмом. Первое представлено сегодня тем, что у М. Хайдеггера именуется «махинативностью». Развернутая характеристика этого феномена дана в работе «Постижение смысла».

«Махинативность означает здесь все делающую и все исчерпывающую делаемость сущего (*des Seienden*)... Делаемость (*Machbarkeit*) толкуется в смысле махинативной махинности (*Machsamkeit*). Махинативность есть самонастраивание на махинативную махинность всего, а именно так, что предопределено Неудержимое-Беспрестанное безусловного рассчитывания-высчитывания (*Verrechnung*) всего и вся. Нечто в этом роде допускает, что где-то там с краю существует “прогресс” — ведь он, как кажется или мнится, способен преодолевать разрушение как симптом “регресса”.

Однако делаемость располагает-распоряжается сущим-бытующим как таковым в игровом пространстве постоянно примешивающегося к ней прогрессирующего уничтожения. Постоянно уничтожающая и разворачивающаяся уже через посредство одной только угрозы уничтожения сущность махинативности — это насилие. Оно развивается в обеспечении силой — как тотчас же срывающейся с тормозов и всегда готовой перемениться способности к какому угодно и при этом преодолевающему и распространяющемуся подавлению-подчинению. Пребывающее в сущности махинативности насилие в любом случае зависит только от силы и никогда не становится основой власти; ведь махинативность есть предваряющее все, что делается, стреноживание-сковывание и, наконец, подрывание всякого выбора» [23, с. 16–17].

Главные признаки махинативности:

1. Превращение не только промышленного производства, но и социальной сферы в огромный механизм-«машину», управляемый посредством инженерии — промышленной и социальной — посредством технологий.

2. Технологии предполагают копирование стандартного и подрывание любого индивидуального выбора.

3. Цифровизация есть приравнивание одного стандартного индивида к другому; отклонения укладываются в пределы статистической погрешности, которыми можно пренебречь.

4. Современное понимание «машины»: это компьютер, куда может быть занесено все, превратившись в «большие данные».

5. Инженерное, точнее «политехническое», мышление может быть определено как признание всемогущества технологий, которые могут быть выражены с помощью статистики и математических формул и реализованы как «программы действий».

6. Махинативность есть признание универсальной делаемости всего — чисто технологического «делания» всего: от деталей машин до живых тканей или фиктивных документов, «фейков» и т. п. Это выражается в ассоциации махинативности с «махинациями».

Махинативность условием своим имеет насилие уравнивания при стандартизации. После применения такого насилия унифицированное человечество поддается оцифровке.

1. «Махинативность требует под множеством масок разнообразных насилий заранее полностью обозримой рассчитываемости того, насколько подлежащее подчинению сущее обладает устройством, которым можно располагать и воспользоваться; из этого существенного, но в то же время завуалированного требования проистекает современная техника... Поскольку человек и в эпоху махинативности, обретшей полномочия к ее неограниченному насилию, понимает себя как животное (живое существо), для него самого (равным образом как для “мы”, так и для “я”) остается еще только “пере-живание-выживание” (“Er-lebnis”) как единственный способ вести себя и держать себя, который обеспечивает ему видимость самоутверждения по отношению к сущему в окружении махинативности» [23, s. 17].

2. Иными словами, во времена махинативности человек, еще не готовый признать себя машиной, но понимающий себя как живое существо, пытается самоутвердиться, проявляя свои «переживания» по поводу «выживания», — к ним и сводится вся культурная жизнь (классическим образчиком ее становятся телешоу). Переживания на них тоже стандартизированы.

Мы находимся в России на самом пике распространения махинативности. Перспективы, рисуемые М. Хайдеггером, таковы. Когда сущее будет окончательно пересилено технологиями (или, другими словами, когда над тем, что считается «природным» на данный момент, окончательно возобладают технологии и все может быть сделано из всего через нужную технологическую цепочку), техника победит «природу», а господствующей фигурой в обществе окончательно станет не столько «социальный инженер», сколько куда лучше разбирающийся в применении техники техник. Формирование у будущих техников в первую очередь «навыков и умений» даст им преимущество перед инженерами с «чересчур большим» образованием. Техник будет подходить ко всему чисто «технически». Он даже не будет подозревать о каком-то «смысле жизни». Сущее будет окончательно покинуто бытием. А Шопенгауэр показал, что Разум Гегеля — это на самом деле Мировая Воля, терзающая себя своими внутренними противоречиями — вместе с собой весь порожденный ею мир. Ф. Ницше считал, что Мировая Воля А. Шопенгауэра вовсе

не едина. Она есть великий плюрализм изначально эгоистических «воль к мощи», которыми наделены все живые существа, включая людей. Это идеальный образ мечты о буржуазной конкуренции в честном бизнесе. Но О. Шпенглер показал, что все заканчивается доминированием «воли к воле», то есть с установливанием порядка ради самого порядка — вне зависимости от какого-то смысла. Этим и занимается ныне слой «эффективных менеджеров по всему».

3. Универсальная и постоянная инвентаризация-цифровизация всего происходящего приведет к победе слоя лиц, обладающих превосходящей «волей к воле», то есть волей к наведению порядка просто ради удовлетворения своих внутренних потребностей. М. Хайдеггер это называет «самопересиливанием силы» [23, s. 18].

Ведут речь о «динамичном» — и полагают, что удастся лучше и точнее определить самопереполнение-потоп предоставленных самим себе и отпущенных на волю силовых процессов, если вообще не говорить о сущности силы.

4. Называют это «тотальным» и думают при этом о своеобразии сущности силы, выражающейся в том, что она не может терпеть ничего, что оставалось бы за пределами круга ее действия, — ничего, о чем можно было бы еще говорить как о «действительном» [Ibid].

Только такая плюралистическая «воля к воле» в виде народных контролеров, соединенных с возможностями тотальных надзирателей и вооруженных компьютерами универсальных инвентаризаторов, сможет, по мнению М. Хайдеггера, привести к тотальному запустению и постижению необходимости-неотложности Иного.

Сведение всего — и природы, и промышленности, и культуры, всех без исключения проявлений человеческой жизни — воедино, к «информации» «больших данных», есть последняя ступень, на которой дематериализуется все, прекращая существовать — действовать, поскольку всякое неподконтрольное действие перестает быть терпимым контролерами.

«Тотальность-всеобщность есть последнее божество-идол опустошения-выдалбливания всего и всяческого сущего и превращения его просто в последующее звено, служащее только средством для обеспечения упорядочивания, которое упорядочивает порядок» [24, s. 167].

То, против чего ныне протестует матерящаяся и демонстрирующая телесный низ панк-культура, рано или поздно покончит с собой — именно тогда, когда великие инноваторы-инженеры и предприниматели окончательно сменятся рутинно мыслящими эксплуатационниками-техниками. И тогда все впащие в сартровскую тошноту от торжествующей воли к воле и порождаемого эффективными менеджерами запустения люди — сколько-нибудь творческие люди — обратятся к мистике хайдеггеровской Четверицы. М. Хайдеггер сам объяснил этот образ так: «Поэтирующее сказывание (*das dichtende Sagen*) поначалу только открывает виду об-лик Четверицы. Только поэтическое сказывание позволяет смертному жить-проживать на Земле под Небесами пред Божественным. Поэтическое сказывание этого только и приносит изначально защиту (*Hut*) и заботливый уход (*Hege*), прибежище и оплот (*Hort*), милость и благосклонность (*Huld*) для опертого на почву места, для пребывания в земном прохождении мимоходом (*Unterwegs*) живущего-проживающего человека»⁴.

В региональной Партии виноградарей, в которой когда-то состоял М. Хайдеггер, была прекрасная легенда: когда Небеса воздействуют на Землю, из нее появляется росток винограда. Если человек будет заботиться о лозе, у него получится хорошее вино. Перед началом пира с друзьями-виноделами они прольют его на землю, по традиции жертвуя богам. И боги явятся — вернутся к людям. Славные застольные разговоры между ними и людьми, не без распри, но с улаживанием ее в итоге, и определяют все смыслы жизни — в споре между этими четырьмя центрами силы. Это, конечно, напоминает романтическую песнь Б. Ш. Окуджавы о великом сакральном смысле закапывания в землю виноградной косточки с последующими прекрасными выяснениями отношений за праздничным столом. Нынешняя панк-культура больше напоминает песни С. Слепакова, а он — вкупе с С. Шнуром — «Критику цинического разума» П. Слотердайка. Тот учился в Индии, у Ошо, который представлял собой что-то типа индийского киника, похожего на Диогена Синопского, и считал, что с Платоном, как

---

⁴ Цит. по: [25, s. 401].

с идеалистом, на словах биться не надо, получится плохо — ведь придется сражаться на чужом поле. Идеалисты — спецы по словам. Их не переболтаешь. А вот материалисты физиологические, киники, должны им демонстрировать в ответ неприкрытую жизнь организма. Правду натуры, так сказать. Молча. Когда Платон дал определение человека как двуногого существа без перьев, Диоген молча бросил ему на стол ощипанного петуха. И вообще, лучший способ полемики с Платоном — тот, какой сегодня любят панки: прийти в Академию и молча нагадить там в углу.

Киники, гадя в святых местах, придают этому глубокий философский смысл. Не забывайте, мол, о физиологии. Она властно заявит о себе — так что всякую мораль придется пустить побоку. В этом и состоял античный кинизм. И сегодня продвинутые режиссеры показывают зрителям самые что ни на есть причинные места актеров. Панкуют. Физиология, мол, так же важна, как всякие там умствования. Кстати, приверженцы Ошо устроили физиологическую биоатаку на США. У них там было организовалось поселение их единомышленников и стояла цель избрать их кандидатов в местное самоуправление. Тогда они подмешали в салаты в кафе сальмонеллу и проредили альтернативных избирателей. Не дошли несколько сотен людей до избирательных урн. (Своим сказали: по кафе не ходить.)

Вот после возвращения из Индии, от Ошо, Слотердайк и написал «Критику цинического разума». Диоген в Афинах был только один такой панк-клоун. А сегодня цинизм, по Слотердайку, есть диффузный феномен, пронизавший все общество без остатка (см.: [5, 6, 17, 19]). Всех просветили в школе и в университете, рассказали, что такое хорошо, что такое плохо, что такое красота, что такое добро. Но жизнь, брат, заставляет гадить, диктуя свои суровые законы. Мы сами гадим и сами смеемся над собой псевдосатирически.

Посмотрите интервью Слепакова с Дудем в Интернете, там об этом все сказано, и каждое второе слово — «дерьмо», если интеллигентно выражаться. Так что будет лучше, если матом будет ругаться Шнур из Совета по делам культуры, он по крайней мере, как член совета по культуре, меру знает. В общем, как говорил М. А. Светлов, интеллигентный человек — тот, кто делает гадости без всякого удовольствия. Это и есть цинизм по Слотердайку.

Очень актуально это для России, которая переживает панк-революцию. Это крах Просвещения, революция уборщиц, которые ранее только говорили себе под нос: «Ходят тут, ходят, гадют и гадют». Сегодня они говорят это громко — на ток-шоу Малахова, и точка зрения их становится доминирующей — на главном телеканале страны. Сегодня в больнице командует не врач, а регистратура из эффективных менеджеров по «сестринскому делу», вооруженная компьютерами. А банкир Г. О. Греф говорит, что спецшколы по математике он бы закрыл, достаточно четырех действий арифметики, только производить их надо быстрее всех в мире и всегда по делу. Это такой математический панк — навалить побольше больших, но нехитрых данных.

Самое восхитительное произведение Шнура — песня «Водил меня Серега на выставку Ван Гога». Это такое брезгливое отношение к массовой культуре и ее носителям, какое может быть только в Питере. Бомжей там воспринимают спокойно, но не терпят тех, кто прикидываются интеллектуалами.

А история философии нужна затем, чтобы помочь пережить все это, повторяя: «И это было. И это пройдет».

ЛИТЕРАТУРА

1. Богомолов А. С., Ойзерман Т. И. Основы теории историко-философского процесса. М. : Наука, 1983.
2. Волкова С. В. М. Хайдеггер: аналитика человеческого бытия в контексте образования // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2017. № 3. С. 27–32.
3. Каменский З. А. Методология историко-философского исследования. М. : ИФРАН, 2002.
4. Котенко Г. А. Развитое индустриальное общество в трудах Ханса Фрайера и Герберга Маркузе // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2017. № 8. С. 110–113.
5. Кудрявцева В. И. Исторические трансформации античного кинизма: некоторые аспекты проблемы // *Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3 : Общественные науки*. 2016. Т. 11, № 4 (158). С. 217–223.
6. Кудрявцева В. И. Третий «конец истории» или непрерывное возрождение? Философский антилиберализм П. Слотердайка // Там же. 2015. № 2(140). С. 64–73.
7. Лосев А. Ф. Диоген Лаэртский — историк античной философии. М. : Наука, 1981.
8. Митлянская М. Б. Ключевые понятия и идеи концепции бытийной истории Мартина Хайдеггера // *Вестн. Перм. ун-та. Философия. Психология. Социология*. 2020. № 3. С. 384–394.

9. Митлянская М. Б. Ректорство Мартина Хайдеггера: историко-философский анализ // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12, № 3-1. С. 121–133.
10. Ойзерман Т. И. Главные философские направления. М. : Мысль, 1971.
11. Ойзерман Т. И. Главные философские направления: теоретический анализ историко-философского процесса. 2-е изд., доработ. М. : Мысль, 1984.
12. Ойзерман Т. И. Метафилософия: Теория историко-философского процесса. М. : Канон+ ; РООИ «Реабилитация», 2009.
13. Ойзерман Т. И. Проблемы историко-философской науки. 2-е изд. М. : Мысль, 1982.
14. Паткуль А. Б. Идея философии как науки о бытии в фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера. СПб. : Наука, 2020.
15. Пёггелер О. Новые пути с М. Хайдеггером / пер. с нем. А. В. Перцева, О. А. Матвейчева. СПб. : Владимир Даль, 2019.
16. Перцев А. В., Черепанова Е. С., Матвейчев О. А. Австрийская инженерная философия для политехников: Эрнст Мах, Йозеф Поппер-Линкеус, Отто Нейрат. СПб. : Изд-во «Владимир Даль», 2019.
17. Перцев А. В. Новое средневековье или новое возрождение? (Размышление после встреч с П. Слотердайком) // Философское образование: вестник ассоциации философских факультетов и отделений. 2013. № 1. С. 15–23.
18. Перцев А. В., Циплакова Ю. В. Хайдеггер I и Хайдеггер II: о микропарадигмах в историко-философской науке // Манускрипт. 2020. Т. 13, № 12. С. 162–169.
19. Петров К. А. Постметафизическая философия Петера Слотердайка: моногр. М. : РУСАЙНС, 2015.
20. Смирнов Н. И. Хоркхаймер и Адорно: редукция критической теории к тотальной критике в «диалектике просвещения» // Сиб. филос. журн. 2016. Т. 14, № 2. С. 209.
21. Хайдеггер М. К философии (О событии) / пер. с нем. Э. Сагетдинова. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2020.
22. Шушкина А. Г. Критическая теория Т. Адорно и ее рецепция в социально-политических исследованиях // Вопр. философии. 2016. № 12. С. 214–222.
23. Heidegger M. Besinnung (1938–1939) // Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 66. Frankfurt a/M. : Vittorio Klostermann, 1997.
24. Heidegger M. Das Ereignis (1941–1942) // Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 71. Frankfurt a/M. : Vittorio Klostermann, 2009.
25. Pöggeler O. Neue Wege mit Heidegger. Freiburg (Breisgau) ; München : Alber, 1992.